

УДК 82-312.1

***ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ГАРМОСТОВ
В РОМАНЕ В. Т. ЩУКИНА «КРАСНЫЕ ПЛАЩИ»***

Казеева Е. А.

к.ф.н., доцент,

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева»,*

Саранск, Россия

Аннотация

В статье рассматривается художественное воплощение государственно-правового института гармоств в романе В. Т. Щукина «Красные плащи» (2009). На конкретных текстовых примерах показывается, что автор наделяет своих героев-наместников такими отрицательными качествами, как алчность, честолюбие, развращенность, жестокость. В. Т. Щукин, опираясь на античные источники, приходит к выводу, что действия гармоств на территории городов, находившихся в сфере лакедемонского влияния, провоцировали недовольство жителей, многочисленные восстания, которые и привели, в конечном итоге, к утрате спартанской гегемонии в Древней Элладе.

Ключевые слова: В. Т. Щукин, «Красные плащи», роман, гармост, Древняя Спарта.

***ARTISTIC EMBODIMENT
STATE-LEGAL INSTITUTE OF HARMOSTS
IN V. T. SHCHUKIN'S NOVEL «RED CLOAKS»***

Kazeeva E. A.

PhD in Philological sciences, Associate Professor,

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Abstract

The article considers the artistic embodiment of the state-legal Institute of harmosts in V. T. Shchukin's novel «Red cloaks» (2009). Specific text examples show that the author gives his heroes-viceroys such negative qualities as greed, ambition, depravity, cruelty. V. T. Shchukin, relying on ancient sources, comes to the conclusion that the actions of the harmosts on the territory of cities that were in the sphere of lacedaemonian influence, provoked discontent of the inhabitants, numerous uprisings, which eventually led to the loss of Spartan hegemony in Ancient Hellas.

Keywords: V. T. Shchukin, «Red cloaks», novel, harmost, Ancient Sparta.

Общеизвестно, что Древняя Спарта пользовалась репутацией уникального и самого загадочного древнегреческого полиса, о чем свидетельствуют труды античных писателей, а также научные работы позднего времени. Кроме того, ряд ярких событий из истории Древнего Лакедемона освещен в кинематографе и многочисленных художественных произведениях. К числу последних принадлежит роман «Красные плащи» (2009) В. Т. Щукина, в котором изображаются исторические события, происходящие в Древней Греции IV в. до н.э. Основная тема произведения – утрата спартанской гегемонии в Элладе в результате Беотийской войны – раскрывается автором с опорой на предложенный еще В. Скоттом принцип историзма [см., напр., 5, 13]. Обращаясь к античным источникам, в первую очередь к трудам Ксенофонта Афинского («Греческая история», «Лакедемонская полития»), Плутарха («Сравнительные жизнеописания»), Диодора Сицилийского («Историческая библиотека») В. Т. Щукин детально освещает политические, военные и бытовые реалии Древней Спарты, рассматривая их в развитии – от времен легендарного Ликурга (VIII

в. до н.э.) до битвы при Мантинее (386 г. до н.э.). Много внимания автор уделяет описанию государственного устройства Древнего Лакедемона, в связи с чем на страницах романа представлена специфика функционирования царской власти, Герусии, эфората, апеллы. Таким образом, актуальность нашего исследования вытекает из необходимости изучения исторических произведений современной литературы, посвященных Древней Спарте. Цель данной статьи – рассмотреть художественное воплощение государственно-правового института гармостов в романе В. Т. Щукина «Красные плащи». Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, сделать исторический экскурс, позволяющий выявить основные этапы становления интересующего нас политического института; во-вторых, проанализировать образы гармостов, представленные в произведении; в-третьих, выявить их античные источники. Отметим, что роман В. Т. Щукина «Красные плащи» до настоящего времени остается практически неизученным: исключением является лишь наша статья [3], чем и объясняется новизна нашей статьи.

Феномен спартанских гармостов неоднократно привлекал внимание специалистов, занимающихся изучением истории Древней Греции. Так, М. И. Максимова в примечаниях к «Анабасису» Ксенофонта объясняет читателям общераспространенное значение термина «гармост» – «наместник, или военный комиссар, направляемый Спартой в греческие города для общего за ними надзора и охраны ее интересов» [6, 279]. Детальное изучение истории становления государственно-правового института гармостов предлагает Л. Г. Печатнова в своей монографии «История Спарты (период архаики и классики)». Исследователь полагает, что слово «гармост» является производным от глагола, буквально означающего «сколачивать», «скреплять», а в переносном смысле – «устанавливать», «управлять», «командовать» [7, 388–389]. Анализируя античные источники, ученый приходит к выводу, что подобная должность существовала еще в архаический период развития Древней Спарты и обозначала

лицо, наделенными специальными полномочиями, которое направлялось в города периеков для наблюдения за порядком. Новый тип гармостов, по ее мнению, появляется в период Пелопоннесской войны, когда Лакедемон часто посылал «в союзные города особых командиров с гарнизонами» [7, 390], стремясь контролировать их внутреннее управление. Л. Г. Печатнова подчеркивает особый вклад в формирование данной военной магистратуры, служащей своего рода поддержкой установленного в завоеванных Спартой городах правительства декархий, известного политического деятеля и полководца Лисандра. Следующий этап развития института гармостов связан с именем лакедемонского царя Агесилая, который сначала оставлял гармостов с гарнизонами в городах Малой Азии для защиты их от персов, а затем начал посылать своих наместников и в материковые греческие города с целью распространить на них спартанское влияние. Исследователь отмечает, что «/.../ слабость и недолговечность Спартанской державы во многом определялась тем, что основным связующим звеном в ней стали гармосты» [7, 405], поэтому данный государственно-правовой институт перестал существовать после битвы при Левктрах (371 г. до н.э.). Ученые неоднократно отмечали негативное отношение подчиненного населения к гармостам, которые отличались необычайной жестокостью, были плохо подготовлены к исполнению своих служебных обязанностей и стремились приобрести себе огромное состояние. Так, Ю. К. Белох в свое время писал о том, что «многие спартанские гармосты обращались с союзниками так, как они на родине привыкли обращаться со своими гелотами; или же они попросту становились орудиями местных властей и заботились исключительно о собственном обогащении» [1, 91]. Современный исследователь И. Е. Суриков считает необходимым заявить о своеобразной «трагедии гармостов»: спартиат, привыкший на родине к очень скромному жизненному укладу «/.../ вдруг оказывался в роли практически бесконтрольного господина какого-ни-

будь процветающего, богатого ионийского полиса, жители которого вели соответствующий образ жизни. Соблазн был уж слишком велик, чтобы ему не поддаться» [10, 75].

Подобный обширный исторический экскурс необходим, на наш взгляд, для того, чтобы объяснить, что институт гармостов имел важное значение в Древней Греции в конце III – первой половине IV в. до н.э. Поэтому В. Т. Щукин не мог обойти его вниманием, изображая в своем романе Спарту в период Беотийской войны. Суждения об деятельности военных наместников он вкладывает в уста как положительных, так и отрицательных персонажей. Так, эфор Эвтидем, достигший высшей государственной должности, но вынужденный внешне подчиняться спартанским обычаям (скрывать от сограждан свое богатство, жить в скромном доме и т.п.) часто завидует гармостам, «/.../ подчас полноправным хозяевам в городах – союзных Спарте и оккупированных ее войсками. Их (гармостов – Е. К.) положение позволяло практически законным (то есть таким, на который закрывают глаза эфоры и Герусия) способом сколотить приличное состояние» [11, 40]. Фиванский государственный деятель и полководец Пелопид, произнося страстную речь перед Народным собранием, призывает своих сограждан помочь городам Беотии, желающих «/.../ восстать против ненавистной власти спартанских гармостов!» [11, 155]. Жители острова Керкиры, осажденной спартанским войском, готовы умереть, лишь бы вновь не принимать гармоста с гарнизоном. Города Мессении, долгое время находившиеся под лакедемонским игмом, после победоносного похода фиванского войска, возглавляемого Эпаминондом, в первую очередь изгоняют спартанских гармостов. Как видим, в тексте произведения само слово «гармост» употребляется с отрицательной коннотацией.

Кроме отдельных приведенных выше оценок деятельности спартанских наместников В. Т. Щукин в своем романе создает образы трех гармостов – Лисанорида, Алкета и Сфодрия. Остановимся на их характеристике подробнее,

предварительно отметив, что все они – исторические лица: упоминания о них содержатся в античных источниках – трудах Ксенофонта, Плутарха, Диодора Сицилийского. С Лисаноридом читатель встречается уже в прологе, в котором повествуется о государственном перевороте, освободившим Фивы от олигархического правительства, поддерживаемого Спартой. Этот герой, один из трех спартанских гармостов в Беотии, возглавлял гарнизон, занимающий цитадель Фив – Кадмею. Автор повествует о том, как руководимые Пелопидом фиванские изгнанники проникают в Фивы и убивают олигархов. Опасаясь, что спартанский гарнизон может подавить организованное ими восстание, они посылают за помощью в Афины, а тем временем имитируют осаду Кадмеи, заставляя спартанцев отказаться от ночной атаки. Утром, когда войско Фив значительно увеличилось, беотарх Горгид начинает переговоры с Лисаноридом, цель которых было заставить спартанский гарнизон покинуть Кадмею. Автор не дает подробного портрета гармоста, но с помощью деталей делает акцент на его физической силе («рослый лаконец», «тяжеленный кулак» [11, 15]). Лисанорид легко ориентируется в сложившейся ситуации: увидев готовое к бою фиванское войско, герой понимает, что «/.../ минувшей ночью он упустил легкую победу» [11, 15]. Одну из ключевых сцен пролога – подкуп спартанского гармоста – автор воссоздает, используя прием контраста. Если бы Горгид предложил Лисанориду солидную сумму денег двадцать лет назад, пишет В. Т. Щукин, гармост даже не воспользовался бы мечом, чтобы проучить дерзкого: было бы достаточно «удара тяжеленого кулака в ухо» [11, 15]. Однако в настоящий момент положение героя кардинально изменилось: «О, сколько серебра может принести война умному человеку! Наместничество же позволило удвоить богатство. Немалое и тайное» [11, 15–16]. Поэтому Лисанорид, «скрипнув зубами» [11, 15], соглашается на предложение Горгида покинуть Фивы и увести спартанский гарнизон. Заключительная сцена пролога, вновь построенная на контрасте, символична: сияющий в лучах заходящего солнца

свежий снег, на фоне которого резко выделялась «колонна спартиатов, растянувшись красной змеей на целых две стадии /.../» [11, 16]. Наблюдающие за уходом лакедемонского гарнизона Пелопид и Эпаминонд, оценивая поступок гармоста, произносят пророческие слова о будущей гибели Спарты: «Тому, в чьи сердца проникли алчность и жадность, не дано побеждать. /.../ если стратеги Лаконии возлюбили золото больше железа – Ника будет с нами!» [11, 16]. О дальнейшей судьбе Лисанорида читатель узнает из беседы архонта Поликрата и уже упомянутого нами эфора Эвтидема. Желая обойти закон, запрещающий продавать оружие за пределы Спарты, Поликрат, рассчитывая на помощь эфора, устраивает роскошное угощение. Говоря об кулинарном искусстве своего повара, архонт рассказывает, что этого раба он получил во время фиванского похода, в котором участвовал и Лисанорид. Поликрат сообщает Эвтидему секретную информацию о том, что именно Лисанорид убедил двух других наместников покинуть Кадмею без боя, хотя спартанцы могли бы одержать победу над фиванцами. На родине гармосты подверглись судебному разбирательству, результатом которого стала казнь двоих наместников и изгнание Лисанорида. Последний, по словам Поликрата, сейчас благоденствует в своем прекрасном поместье в Египте: «Богатство спасло ему жизнь. Скорее всего, Лисанорид с радостью отправился в изгнание туда, где роскошь не зазорна» [11, 37]. Отметим, что капитуляция спартанского гарнизона в Кадмее и дальнейшая судьба его командира освещалась и античными авторами. Так, об этом, не упоминая имени спартанского гармоста, рассказывает современник происходящих событий Ксенофонт в своей «Истории Греции». Однако оценка происходящего дана в благоприятной для Спарты трактовке: наместник (под которым подразумевается Лисанорид) сразу же оценил ситуацию и отправил гонцов в Платеи и Феспии за помощью. Однако фиванские всадники, одержав победу на платейцами, вместе с пришедшими к ним афинянами начали осаду Кадмеи. «Крепостной гарнизон, ввиду своей малочисленности и всеобщей

храбрости наступавших /.../ испугался и объявил, что готов уйти, если ему дадут безопасный выход с оружием. Фиванцы с радостью выполнили это требование /.../» [4, V, IV, 11], – пишет античный историк. Далее он сообщает о казни гармоста, оставившего крепость, и об объявлении похода против Фив. Диодор Сицилийский «Исторической библиотеке» повествует об упорной обороне Кадмеи спартанским гарнизоном, о послах, отправленных за помощью в Спарту, а также о серьезном уроне, который нанесли осажденные фиванцам. Однако нехватка продовольствия, долгое отсутствие известий из Лакедемона, а главное – требования союзников, составлявших значительную часть гарнизона, заставили их сдаться. «Ибо лакедемоняне среди них считали, что они должны стоять насмерть, в то время как их соратники из союзных городов, которых было во много раз больше, высказывались за капитуляцию Кадмеи. Действуя под принуждением, даже спартанцы, которых было очень мало, присоединились к капитуляции из цитадели» [2, XV, XXVII, 2], – пишет историк. Он сообщает о договоре между враждующими сторонами, условия которого не раскрывает, а также о суде над тремя офицерами гарнизона, казни двух из них и наложенном «/.../ таком тяжелом штрафе на третьего, что всем своим имуществом он не мог расплатиться» [2, XV, XXVII, 3]. О Лисанориде упоминает Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» (биография Пелопида), повествуя о демократическом перевороте в Фивах. В. Т. Щукин, вслед за античным писателем, рассказывает о действиях фиванцев, спешащих освободить Кадмею от спартанского гарнизона, опасаясь, что ему окажет помощь лакедемонский царь Клеомброт. Плутарх ничего не говорит о подкупе гармоста, лишь упоминая тот факт, что спартанцы «беспрепятственно покинули Беотию согласно заключенному договору» [9, XIII]. О дальнейшей судьбе Лисанорида и его товарищей Плутарх сообщает следующее: два наместника были приговорены к смерти, а он «заплатил огромный штраф и покинул Пелопоннес» [9, XIII]. Как видим, в античных источниках в числе

причин сдачи Кадмеи называются отсутствие помощи, недостаток продовольствия, требования союзников, трусость участников, но нигде не упоминается о подкупе, хотя и упоминается о некоем договоре. Эпизод захвата крепости с помощью подкупа был придуман В.Т. Щукиным с целью показать читателям, что его гармост действовал также, как и многие исторические военные наместники Спарты, оказавшиеся в похожей ситуации. Дальнейшая судьба Лисанорида – суд, штраф и изгнание – воссоздана автором с опорой на исторические источники.

Второй интересующий нас персонаж – гармост города Ореи Алкет – появляется в одном из самых напряженных эпизодов романа. Фивы, чьи земли были разорены военными кампаниями Спарты, отправляют корабли в Пагасы с целью приобрести хлеб для своих сограждан. Глава этой миссии Эпаминонд, находясь на борту триремы со безымянным спутником, видит, что их готовы атаковать три боевых судна, принадлежащих военному коменданту Ореи Алкету. Эпаминонд, понимая, что главная задача сейчас – обеспечить Фивы хлебом, отказывается вступить в сражение и предлагает начать переговоры с гармостом. Именно в уста этого героя автор вкладывает первую в романе характеристику спартанского наместника: он советует не обнажать оружие, но в то же время надеть шлемы, поскольку «Алкет горяч, и может засыпать нас стрелами, прежде чем поймет, что мы сдаемся» [11, 86]. Вскоре появляется и сам наместник, довольный удачно осуществленным морским маневром: «Спартанский гармост повел крутыми плечами, под алым плащом сверкнула бронза панциря /.../» [11, 86]. Автор обращает внимание читателя на физическую силу Алкета, его хорошее знание военной тактики, нацеленность на победу. Спартанские боевые корабли уже были готовы зажать между своими бортами трирему противника, когда заметили, что их враги сдаются. Характерна реакция гармоста на это событие, мастерски показанная писателем: «Шлем скрыл невольно проступившее выражение досады: он (Алкет – Е. К.) предпочел бы

взять победу в бою» [11, 87]. Спартанский командир умеет быстро оценивать обстановку: когда фиванские торговые суда, перестроившись, приготовились к обороне, он предпочитает не рисковать, а начать переговоры с Эпаминондом и даже согласиться на предлагаемые им условия – спартанцы забирают груз, но дают свободу экипажам. Однако дальнейшие поступки Алкета подчеркивает его отрицательные качества, характерные для всех спартанских наместников: он «презрительно» [11, 87] ведет разговор со свободными людьми, а, главное, нарушает условия договора, отдав приказ заключить фиванцев в крепость. Автор иронически описывает прибытие гармоста в городской порт, подчеркивая его самоуверенность, хвастовство, уверенность в своей безнаказанности: «Алкет, теперь уже увенчанный славой военачальник и государственный муж, важно сошел с борта пришвартованной к причалу триремы. – Боя не было. Труссы сдались, – горделиво бросал он короткие фразы угодливо мельтешившим вокруг местным олигархам /.../» [11, с. 88]. В. Т. Щукин, желая показать ущербность внутреннего мира спартанского наместника, наделяет его безобразной внешностью: «Уродливое лицо гармоста исказилось в свирепой гримасе» [11, 89]. Подобная непривлекательность еще более оттеняется роскошной обстановкой, которой стремится окружить себя оказавшийся вдали от строгих спартанских законов Алкет. Не позаботившись о том, чтобы его пленники получили воду и пищу, а также об их хорошей охране, герой, богато одетый, украшенный «невероятной прической» [11, с. 89] на великолепной колеснице уезжает искать развлечений. Одна из нелицеприятных характеристик Алкета вкладывается в уста Эпаминонда: «Прав был Ликург, говоря, что красивых прическа делает еще прекраснее, а безобразных – еще ужаснее» [11, 89]. Отметим, что она практически дословно была заимствована автором из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха («/.../ красивых они (волосы – Е. К.) делают еще благовиднее, а уродливых – еще страшнее» [8, XXII]). Халатное отношение гармоста к своим обязанностям приводит к печальным последствиям

для спартанского влияния в Орее: охрана пленников была возложена на местную милицию, предводитель которой оказался близким другом Эпаминонда. Этот безымянный герой рассказывает о невыносимой жизни горожан под властью лаконского наместника: Орея, долгое время находившаяся в сфере влияния Афинского морского союза, была обязана выплачивать своему старшему партнеру большие суммы на содержание флота. Это привело к тому, что Спарта практически без труда привела к власти послушную ей олигархию и ввела в город свой гарнизон. Но горожане были жестко разочарованы: гармост, в отличие от Афины, начал жестко контролировать их внутреннюю политику. Далее герой продолжает рассказ уже о личных качествах Алкета: кроме того, что гармост – клятвопреступник; он совратитель красивых мальчиков: «Горе родителям, чей сын приглянется Алкету. Множество мальчиков и юношей уже стали жертвами его противоестественных страстей!» [11, 91]. Горожане отчаялись искать справедливость, поскольку наместник делился своими доходами с покровителями, которые помогли ему получить должность: «Лишь напрасно потеряли жизнь и те, кто рассчитывал найти в Спарте справедливость, и те, кто доставляли письма в Лаконию» [11, 91]. Узнав от своего друга о том, что в этот вечер Алкет отправился в дом бедного художника по керамике, имевшего привлекательного сына, Эпаминонд принимает решение захватить город и освободить его от лакедемонского влияния. В. Т. Щукин ярко изображает сцену пира «всесильного спартанского наместника» [11, 92] в доме бедного горожанина, вновь подчеркивая непривлекательный внешний облик Алкета. «Маслянистый взор» последнего «был обращен на кудрявого мальчика»; свет лампы «делал его (Алкета – Е. К.) похожим на чудовище из свиты Аида»; гармост скалил «длинные зубы», «с вожделием прижал дрожащего мальчика к своему животу» [11, 92]. Родители, бросившись на помощь своему сыну, чуть было не погибли от рук наделенного необычайной силой наместника, и лишь появление вооруженного отряда Эпаминонда

кардинально изменило ситуацию. Автор детально показывает, что переживает в данный момент Алкет: «странный смысл происходящего постепенно проникал в сознание гармоста, поражая масштабами и необратимостью» [11, 93]: Спарта теряет контроль над зависимым городом, над выгодными морскими путями, фиванцы обретают надежного союзника, а сам наместник будет опозорен и предан суду. Поэтому дальнейшие поступки Алкета В. Т. Щукин сравнивает с поведением затравленного зверя: он «с жутким утробным ревом метнулся к выходу» [11, 93], «заглушив рычанием шум толпы» [11, 94]; его сознание покрывала «пелена боевой ярости» [11, 94]. В финале гротескно описывается страшное наказание, которому подвергли жители Ореи: «/.../ оставляя кровавый след на камнях мостовой, полз на четвереньках избитый, истерзанный Алкет. На голове его болтался кем-то в насмешку надетый пиршественный венок, сзади как хвост торчала забитая палка» [11, 94]. Лишь слова Эпаминонда, выступившего против подобной позорной казни, заставили одного из горожан положить конец мучениям наместника. Отметим, что, создавая образ Алкета в своем романе, автор воплощает в нем классические черты ненавистного подчиненным городам спартанского гармоста: безнаказанность, стремление к роскоши, жестокость к местному населению, безнравственное поведение. Укажем на то, что В. Т. Щукин в данном случае вновь обращался к античным источникам. В «Истории Греции» Ксенофонт Афинский в одном абзаце сухо рассказывает о закупке фиванцами хлеба в Пагасах и о захвате их судов Алкетом. Называется и причина потери выгодного торгового порта: «/.../ при нем (Алкете – Е. К.) постоянно находился один орейский мальчик, как говорили замечательной красоты и совершенств. Однажды Алкета вышел с ним из крепости, и когда занялся им, то пленные воспользовались этой оплошностью и захватили крепость, а при этом и город отпал /.../» [4, V, IV, 56]. Вновь мы убеждаемся, что опираясь на немногословный источник, автор

создает яркий образ спартанского наместника – всесильного хозяина во вверенном ему городе, который безнаказанно может потворствовать своим порокам.

Наиболее ярко в романе воссоздан образ третьего гармоста – Сфодрия. Впервые читатель узнает о нем из беседы начальника фиванских лазутчиков Эриала и беотарха Пелопида. Последний, понимая, что его родной город еще не имеет возможности открыто противостоять могущественной Спарте, придумывает блестящий план. Желая обрести союзника в лице Афин, Пелопид предлагает организовать нападение наместника Феспий Сфодрия на Пирей, что приведет к войне между двумя могущественными державами и позволит Фивам за это время увеличить свои силы. По его словам, гармост, уже будучи немолодым, впервые получил от царя Агесилая ответственное поручение: в Феспиях он должен брать под свою защиту всех фиванских беглецов, недовольных демократическим правлением. Устами Эриала автор дает исчерпывающую характеристику Сфодрию: «.../ человек он храбрый и воин умелый, но алчен и безгранично честолюбив»; «отличается скорее сообразительностью, чем глубиной ума» [11, 81]. Кроме того, гармост, стремящийся сделать блестящую политическую карьеру – получить должность эфора, считает, что его заслуги недооцениваются спартанским правительством и готов пойти на все, чтобы достичь желанного результата. Пелопид приходит к выводу, что именно такого человека можно подтолкнуть к «необдуманному поступку, вредному для Спарты, но полезному Фивам...» [11, 83], каковым и станет нападение на крупнейший афинский порт. Сначала это дерзкое предложение вызывает несогласие Эриала: он считает Сфодрия «запальчивым», «не в меру честолюбивым», но патриотически настроенным. Вскоре фиванцы принимают решение найти подходящего человека, который, будучи другом Спарты и доверенным лицом Сфодрия, уговорит последнего совершить этот поступок и пообещает ему достойное вознаграждение. Таким кандидатом становится находящийся

на грани разорения родосский купец Антиф, у которого фиванцы скупили большую часть его долговых расписок. Уже на основании этого эпизода можно составить представление о характере гармоста Феспий: перед читателем предстает уже немолодой человек, не отличающийся большим умом, полагающий, что его заслуги перед родиной недооценены, стремящийся к высшим государственным должностям и богатству; понимающий, что пост феспийского наместника – это последний шанс реализовать себя. Из дальнейшего повествования мы узнаем, что план Пелопида и Эриала оказался воплощенным в жизнь: об этом беседуют Эпаминонд и его безымянный спутник, возвращаясь из Пагас. Последний говорит о союзе, в который вступили Афины и Фивы из-за попытки Сфодрия захватить Пирей, намекая на то, что в этом случае не обошлось без подкупа. Эпаминонд не желает раскрывать секрет из-за государственных соображений: «Если Сфодрий подарил Спарте нового врага не за деньги, а всего лишь по недомыслию, то зачем же возводить на человека напраслину? Наконец, даже если удастся подкупить кого-нибудь в стане противника, то зачем же говорить об этом?» [11, 85]. Поведение полемарха обсуждают и спартанцы: так, архонт Поликрат, беседуя с эфором Эвтидемом, убежден, что «честолюбивый глупец Сфодрий не сам придумал эту пустую затею» [11, 109] (напасть на Пирей – Е. К.), он действовал по совету фиванцев, которые удачно воспользовались его «самовольной выходкой» [11, 109]. В разговоре с царем Агесилаем архонт вновь называет поступок гармоста «безумным» [11, 158]. «Безумным честолюбцем» [11, 167] считает Сфодрия и лохагос Эгерсид. Таким образом, читатель узнает о личных качествах этого героя из характеристики, данной ему другими персонажами романа. Впервые Сфодрий появляется на страницах произведения после того, как Спарта, заключив мирный договор с Афинами, объявляет поход против Фив. Бывший гармост, желая искупить свою вину, просит разрешения у царя Агесилая принять участие в кампании в качестве рядового бойца. Здесь дается и его краткая

портретная характеристика: «Старый вояка был облачен в боевые доспехи и алый плащ. Свой шлем, лишенный пышного султана полемарха, он держал в руке» [11, 227]. Примечательна реакция царя: он, осуждая Сфодрия за его чрезмерное честолюбие, а также себя за то, что по просьбе своего сына Архидама, он освободил полемарха от смертной казни за преступление, дает своего рода благословление: «– Иди, Сфодрий. И возвращайся со щитом или на щите /.../» [11, 227]. Из дальнейшего повествования читатель узнает о походе бывшего гармоста, сопровождающего царя Клеомброта в Беотию, о том, что в решающей битве при Левктрах Сфодрий сражался вместе с ним на правом фланге, предупредил царя о грозящей ему опасности и, защищая его, с честью погиб в бою. И вновь В. Т. Щукин прибегает к портретной характеристике, показывая полемарха в последний момент его жизни: «Старый воин отбивал удары щитом и мечом, доспехи его были промяты и окровавлены, шлем сбит, седые волосы растрепались» [11, 273]. Укажем на то, что, создавая данный образ, автор указывал на отрицательные качества Сфодрия-гармоста – честолюбие и алчность, но в тоже время подчеркивал его положительные черты рядового воина – храбрость, желание искупить свой проступок, героическую гибель. Отметим, что образ этого наместника писатель воссоздает, тоже опираясь на античные источники. Большинство сведений о нем содержится в «Истории Греции» Ксенофонта. Историк пишет о том, что Сфодрий участвовал вместе с царем Клеомбротом в первом походе на Фивы, был назначен им феспийским гармостом, получил приказ набирать наемное войско. В работе дается объяснение «безумного поступка» полемарха: фиванцы, опасаящиеся открытой войны со Спартой, «подкупили феспийского наместника Сфодрию, – так по крайней мере говорилось, – и подговорили его напасть на Аттику, чтобы таким образом вызвать афинян к войне с лакедемонянами» [4, V, IV, 20]. Однако его рейд оказался неудачным: афиняне, узнав о готовящемся нападении, предприняли

предупредительные меры, а также арестовали спартанских послов, считая лакедемонян соучастниками феспийского гармоста. Последние убедили Афины в том, что Сфодрий поступил самовольно, пообещав строго его наказать. Бывший наместник был предан на родине уголовному суду, но ему вынесли оправдательный приговор. Ксенофонт объясняет данное обстоятельство тем, что сын Сфодрия Клеоним был возлюбленным царевича Архидама. Последний неоднократно просил своего отца Агесилая спасти Сфодрия, что, в конечном итоге, и было сделано. Примечательно, что согласно этому источнику, именно Клеоним, а не Сфодрий участвовал в битве при Левктрах, где героически погиб. О Сфодрии (Сфодриаде) упоминает в своей работе и Диодор Сицилийский, утверждающий, что нападение на Пирей гармост совершил без согласия эфоров, но с ведома царя Клеомброта. Греческий историк считает необходимым отметить на такие черты характера военного наместника, как ветренность и легкомыслие [2, XV, XXIX, 5]. Диодор сообщает, что после своей неудачной попытки завладеть Пиреем Сфодрий «был обвинен перед спартанским советом, но так как цари поддержали его, он избежал наказания» [2, XV, XXIX, 6]. На наш взгляд, главным античным источником, который использовал В. Т. Щукин, создавая образ Сфодрия, стала биография Пелопида из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Личные качества гармоста были заимствованы автором романа из этого труда: «Спартанец Сфодрий, прекрасный воин, но человек легкомысленный, исполненный несбыточных надежд и неразумного честолюбия /.../» [9, XIV]. Кроме того, именно Плутарх сообщает о том, что «Пелопид частным образом подослал к нему одного купца, своего друга, с деньгами и устным предложением /.../» [9, XIV] – захватить Пирей и добиться великой славы. Однако, как сообщает греческий биограф, Сфодрий потерпел неудачу, став «виновником нешуточной и нелегкой для Спарты войны» [9, XIV]. Как видим, современный автор вновь использовал труды античных авторов для создания запоминающегося образа спартанского наместника.

Следует отметить, что должность гармоста короткий период в своей жизни занимал один из главных героев романа Эгерсид. Будучи преданным сыном своего Отечества, строго следующим законом Ликурга, он, тем не менее, был убежден, что политическое и военное устройство Спарты нуждается в серьезных реформах. Убеждения героя мешали его военной карьере и, в конечном итоге, привели его к гибели. Проявив себя как блестящий стратег, помешав фиванцам захватить оставшийся без спартанского гарнизона город Орхомен, Эгерсид по настоянию царя Агесилая становится полемархом и наместником этого города. Часто в уста героя автор вкладывает суждения о гармостах. Так, будучи назначен на должность лохагоса, Эгерсид понимает, что многие завидуют ему, поскольку теперь он может быть сделан наместником небольшого города, «/.../ а это уже путь к богатству – тому, что осуждают педономы, воспитывая будущих граждан в презрении к роскоши, и тому, к чему так стремятся правящие отцы отечества!» [11, 161]. Как видим, в этой мысли содержатся антиномии, наиболее точно характеризующие причину гибели Спарты: лаконское воспитание включало презрение к деньгам, в то время, как люди, имеющие в своих руках власть, всячески старались обойти это правило. Оказавшись в Орхомене, Эгерсид видит обстановку, которая ежедневно окружает спартанского гармоста: роскошные пиры, богатые одежды, красивые наложницы, готовые выполнить любое желание своего господина; подарки местных жителей, преследующих собственную выгоду. Герой с презрением отказывается от предлагаемых ему преимуществ, но в очередной раз убеждается, что большинство спартиатов, оказавшись в подобных условиях, легко забывают о строгих законах Ликурга. Это приводит к печальным последствиям: «Довольно скоро гармост и его окружение не представляют себе жизни без подношений, роскоши и развлечений – всего, что дают им местные власти. Последние же таким образом незаметно подчиняют себе спартанскую силу и используют в своих интересах» [11, 205]. Будучи человеком долга,

Эгерсид не изменяет собственным принципам даже после того, как получает официальное назначение на должность полемарха и гармоста города. Об этом он говорит своей возлюбленной Тире: «/.../ я не смогу предложить тебе ничего, кроме скромного старого дома и любви! Делать состояние на подношениях орхоменцев – это не для меня!» [11, 232]. Легко убедиться, что автор изображает Эгерсида как идеального спартанца, показывая на его примере, каким должен быть гармост, желающий процветания своей Отчизны.

Итак, В. Т. Щукин на страницах своего романа дает художественное осмысление государственно-правового института гармостов. Следуя традиции, он наделяет своих героев-наместников такими отрицательными качествами, как алчность, честолюбие, развращенность, жестокость. Писатель, опираясь на античные источники, на конкретных примерах показывает, что действия гармостов на территории городов, находящихся в сфере лакедемонского влияния, провоцировали недовольство жителей, многочисленные восстания, которые и привели, в конечном итоге, к утрате спартанской гегемонии в Древней Элладе.

Библиографический список:

1. Белох К. Ю. История Греции: в 2 т. – М.: Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1899. – Т. 2. – 527 с.
2. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / пер. с древнегреч. Д. В. Мещанского // Симпосий Συμπόσιον [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://simposium.ru/ru/node/1127> (Дата обращения: 04.05.2020).
3. Казеева Е. А., Богатова М. А. Античные источники романа В. Т. Щукина «Красные плащи»: «История Греции» Ксенофонта Афинского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – Вып. 5. – С. 29–34.

4. Ксенофонт. История Греции // Ксенофонт. История Греции; Киропедия / пер. с древнегреч. Г. Янчевецкого. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – С. 13–254.
5. Макарова Е. В. История и личность в творчестве Эдварда Булвера-Литтона: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Самара, 2009. – 24 с.
6. Максимова М. И. Примечания // Ксенофонт. Анабасис / пер., статья и примечания М. И. Максимовой. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 246–286.
7. Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). – СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. – 510 с.
8. Плутарх. Ликург // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. / пер. с древнегреч. С. П. Маркиша. – СПб.: Кристалл, 2001. – Т. 1. – С. 83–116.
9. Плутарх. Пелопид // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. / пер. с древнегреч. С. П. Маркиша. – СПб.: Кристалл, 2001. – Т. 1. – С. 496–529.
10. Суриков И. Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 392 с.
11. Щукин В. Т. Красные плащи: Роман. – М.: Вече, 2009. – 592 с.

Оригинальность 93%